

УДК 32.019.51; 82.02

НОРМАТИВНЫЕ ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ТРАКТАТЫ ЭПОХИ (НОРМАТИВНЫЕ ЭСТЕТИКИ) КАК БАЗА ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ (В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**REGULATORY AESTHETIC TREATISES ERA (NORMATIVE AESTHETICS) AS A BASE FOR THE CONSTRUCTION OF THE STATE CULTURAL POLICY (IN THE RUSSIAN EMPIRE, THE SOVIET UNION AND RUSSIAN FEDERATION)**

©Кузина Н. В.

SPIN-код: 2069–8510

канд. филол. наук

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачеваг. Москва, Россия, nvkuzina@mail.ru

©Kuzina N.

SPIN-code: 2069–8510

PhD, Likhachev Russian Research Institute
of Cultural and Natural Heritage
Moscow, Russia, nvkuzina@mail.ru

Аннотация. Излагается взгляд на формирование государственной политики в сфере культуры в историческом аспекте на базе центральных нормативных эстетик эпохи (регламентирующих на длительное время развитие культуры в целом эстетических трактатов, в противовес эстетических манифестов отдельных художественных групп), предписывающих предпочтительные жанры, тематику произведений, цели их создания и используемые кодифицированные приемы выразительности.

Abstract. We present a look at the formation of the state policy in the sphere of culture in the historical aspect on the basis of the central regulatory esthetician century (governing for a long time, the development of culture in general aesthetic treatises, as opposed to aesthetic manifestos of certain artistic groups), prescribing the preferred genres and themes of works, the purpose of their create and use methods of expression.

Ключевые слова: кодификация, эстетика, система жанров, художественные средства выразительности, художественная идеология эпохи, направления и стили в искусстве, литературоведение, культурная политика.

Keywords: codification, aesthetics, genre system of artistic means of expression, artistic ideology of the century, trends and styles in art, literature studies, cultural policy.

Актуальность и проблематика исследования. Эпоха становления новой российской постсоветской государственности в 2000 и 2010-е г. г. предъявляет требования к разработке стратегии российской культурной политики (в том числе ее эстетических оснований), прежде всего с позиций непреходящих ценностей российской цивилизации, имеющей уже более, чем тысячелетнюю историю.

Пафос данной статьи состоит в том, что правильное направление культурной политики могут помочь сформировать прежде всего те прочные связующие нити традиционной

эстетики, которые сложились, начиная с Древней Руси, несмотря на кажущуюся, видимую прерывистость наследования эстетической традиции.

При отсутствии свода эстетических правил, выраженных в форме трактата и принадлежащих перу крупнейших представителей какого-либо вида искусства, роль его могут и должны сыграть академические и учебные, кодифицирующие, труды исследователей в сфере культуры, по которым, в том числе ведется подготовка квалифицированных кадров в данной сфере искусства, достоверно, скрупулезно и ответственно описывающие и оценивающие нормативные и маргинальные проявления культуры разных эпох с позиции эстетического идеала, гармонии, этики, мастерства, требований жанра и других критериев.

Оказавшие сильнейшее влияние на последующее развитие искусства в России (на Руси, в Российской Империи, в СССР, постсоветской России) центральные нормативные эстетики эпохи должны быть в новой ситуации, как и ранее, учтены как главное основание, база для формирования государственной культурной политики. Главные положения — теоретические (изложенные в фундаментальных научных трудах) и эстетические (развернутые в творчестве) — от художественных приемов Симеона Полоцкого и стиховедческих идей Михаила Ломоносова до взгляда на политическую историю и формирование в ее связи классового (в том числе пролетарского) искусства В. И. Ленина, в последующую эпоху были положены в основу регулирования государством культурной сферы.

В зависимости от центральных эстетических, научных, общественно–политических идей эпохи строилась и государственная культурная политика. Прежде всего это касалось предпочтительных художественных приемов, тем, направлений и стилей, получавших поддержку на уровне государства. При отсутствии регулирования и избирательности со стороны государства в оказании мер поддержки (эпохи 1890–1910-х г. г., 1990-х г. г.) формировался полистилизм, многообразие в культуре, приводившее впоследствии, как видно из истории Серебряного века в России, к реакции и внедрению методов жесткой регуляции любых проявлений культурной жизни.

В этой связи необходимо вспомнить, что график развития жизни культуры в связи с регулирующими ее действиями государства на Руси в системе координат «регламентация» / «свобода» в течение столетий имел волнообразный вид, напоминал челночное движение утка через основу в ткачестве: происходили попеременные движения от системы жесткой кодификации на базе нормативных эстетик к эпохам полистилизма и разнообразия, ориентации на многомерность искусства и множественность эстетик, изложенных в манифестах представителей различных течений и школ, затем снова к системе строгой кодификации.

Несомненно, что любой проверенный временем учебник поэтики и риторики, а также эстетический трактат входит в ядро сущностного понимания искусства. Он, без исключения, написан так, что любой читающий, подражая указанным приемам и формам, сможет усвоить азы мастерства и создать вполне соответствующий жанровым особенностям артефакт, качество которого будет зависеть от таланта автора. Сущность представления о прекрасном и кодифицированном не изменились. Любое отрицающее предшествующую традицию проявление в искусстве (в отличие от технической сферы) затем, как правило, само оказывается полностью или в большей степени отвергнуто.

Важно разграничить и осознать различные роли в формировании государственной культурной политики таких явлений как эстетический труд, кодифицирующий искусство, и эстетический манифест, выражающий попытки поиска новых проявлений и самореализации.

Нормативная эстетика и эстетический манифест: роль в сохранении традиции и формировании культурной политики

Эстетические трактаты, являющиеся своеобразным основным сводом правил «принятого» как норма, образец в искусстве являются важным этапом накопления, систематизации, регламентации художественных знаний эпохи (о жанрах, приемах и средствах выразительности, приемлемом и неприемлемом), их кодификации (превращения

в общеобязательные) и рефлексии по их поводу. Созданная чаще всего конкретным автором, руководителем крупной школы в искусстве, нормативная эстетика становится родом учебника в искусстве, отделяющего художественное от маргинального, нехудожественного. На основании выдвинутых в ней положений строится дальнейшее развитие, осознаются и кодифицируются новые жанры, художественные приемы, складываются направления, стили, школы. Знание о приемлемом и неприемлемом в произведениях культуры, основном пафосе (идее), достойном для отображения средствами искусства, директивно оцениваемое в нормативных эстетиках как общеобязательное, закладывается в основу государственной культурной политики, поддерживается и возвращается.

Нормативные эстетики закрепляют для конкретной эпохи отчасти субъективные, но безусловно необходимые, представления о границах, норме, высшем проявлении художественного мастерства и о маргиналиях.

Они формируют «нормативное представление о должном» (как правило, в дихотомии), о возвышенном, низменном, прекрасном, безобразном, трагическом, комическом, об идеале, «однозначную, жестко закрепленную оценку изображаемого (прекрасный — безобразный, положительный — отрицательный, правильный — неправильный и т. п.)» [2], для них характерно «наличие двух параллельных рядов категорий: позитивного, которым пользуются, когда изображаемое явление оценивается положительно (прекрасное, возвышенное, величественное, героическое, трагическое), и негативного, на который опираются в противоположном случае (безобразное, низменное, комическое). При этом предполагается, что сфера «промежуточных» явлений, т. е. явлений, оказывающихся на границе между утверждением и отрицанием и по этой причине входящих одновременно в обе сферы, или очень незначительна, или просто недостойна художественного воспроизведения» [2]. Как правило, в идее нормативности оказывается исключена идея динамики, развития. Кодифицированный образец вечен и неизменен.

Любая маргиналия, нарушающая свод правил, заданный в эстетиках (иногда — эстетическом трактате, иногда — официально принятом регламентирующем документе, учебнике поэтики), оценивается как несовершенство, а иногда — внутри культуры данной эпохи — и как «пощечина общественному вкусу». В периоды смены художественных парадигм, как правило предшествующие или являющиеся последствием научных революций, общественно-политических сдвигов, формируются антинормализаторские тенденции в искусстве, вызывающие ситуации художественной, литературной и т. п. борьбы и появление множественных эстетических манифестов, рост числа эстетических художественных школ и объединений в искусстве. По прошествии периода ломки стереотипов и выстраивания новых систем (в отличие от смен парадигм в итоге научных революций, описанных Т. Куном) наступает частичная художественная реакция: эстетические манифесты, возникавшие в больших количествах в эпохи слома, как правило, теряют сторонников, художественные группы разрушаются и на смену нормативной эстетики предшествующей эпохи приходит следующая, во многом наследующая художественные ценности эпох до слома. Можно говорить о том, что художественное мышление, отражаемое в эстетиках, более консервативно, чем мышление научное (так как перемены в требованиях, предъявляемых к мастерству, все-таки минимальны).

Нормативная эстетика отвечает на основные вопросы о допустимом, приемлемом и в высшей степени значимом:

1. В каком виде искусства может быть создан артефакт культуры с заданным содержанием?
2. Как регламентирован жанр артефакта, который создается?
3. О чем данный артефакт / что он отображает? (темы).
4. С какой целью (утилитарной, идеологической, духовной) может создаваться данный артефакт? (идейная основа).
5. Какими средствами создается данный артефакт? (художественные приемы).

Отличие эстетического манифеста от нормативной эстетики проявляется в том, что манифест возникает как способ революционного преобразования, отрицания предшествующей традиции и внесения нового, нормативная эстетика же суммирует общепринятое и общеприемлемое, оцениваемое как образцовое, используемое для подражания. Опираясь на образы Ю. Н. Тынянова [35] можно сказать обобщенно, что на полюсе литературных манифестов находятся новаторы, на полюсе нормативных эстетик — архаисты. Разницу между нормативной и описательной эстетикой подчеркивает в том числе Л. С. Выготский [13]. Главнейший из критериев разграничения — не констатация наличия формы и приема, а оценочность, присутствующая в нормативной эстетике.

Можно говорить о том, что для нормативных эстетик как средства регламентации характерны охранительная и стабилизирующая художественное творчество и художественный процесс функции.

При обсуждении основ, на которых может выстраиваться государственная культурная политика, проявляющаяся прежде всего в финансовой поддержке и разрешительном допуске к обнародованию и предъявлению зрителю / слушателю / участнику произведений искусства, необходимо учитывать стабильность и качество поддерживаемой продукции, обеспечиваемое нормативностью эстетических трактатов и иных регламентирующих документов в сфере искусства, традиционно создававшиеся во все эпохи.

Нормативная эстетика и эстетический манифест в российских условиях: основные различия

Опуская примеры из древнегреческой и древнеримской, персидской и иных традиций древности, а также из эстетик средневековой и нового времени Европы, обратимся к традиции нормирования художественного творчества на Руси, в Российской Империи, СССР и постсоветской России (Российской Федерации).

Не все большие стили (направления), прежде всего в художественной литературе, были склонны к кодификации: обычно к данным жанрам обращались представители эстетических воззрений, склонных к упорядоченности культуры как системы (классицизм, барокко, реализм) и от них могли бежать антинормализаторы (романтизм и др.).

Если наиболее яркий представитель «нормы», заложивший основы эстетики на долгое будущее, сам не был автором подобного труда, то за него обобщение производилось в научных трудах следующих поколений (примеры: литературная ситуация эпохи А. С. Пушкина и исследование «Архаисты и новаторы» Ю. Н. Тынянова, ее описывающее; эстетика социалистического реализма в литературе и эссе А. Д. Синявского «Что такое социалистический реализм?»).

Течения и школы, порывавшие с традицией, изложенной в нормативных трудах, создавали манифесты (не становившимися затем общепринятой в обществе эстетической платформой, поэтому как основу государственной культурной политики их рассматривать нельзя) — например, русские декаденты, футуристы и др. При этом спор натуральной школы и чистого искусства также становится частным на фоне общих художественных установок эпохи.

Приведем некоторые трактаты, основополагающие для нашего времени научные филологические труды и художественные произведения, играющие роль нормативных, связанные с художественной литературой как частью искусства.

Роль основополагающих эстетик в России сыграли как полноценные трактаты, так и произведения других жанров (от художественных до научных, включая ораторские и эпистолярные):

–эстетические трактаты Древней Руси [27],

–рукописный сборник-энциклопедия тем и жанров — Симеон Полоцкий «Вертоград многоцветный»,

–сочинения М. В. Ломоносова («Риторика», «Письмо о правилах русского стихотворства») и В. К. Третьяковского («Новый и краткий способ к сложению русских стихов с определениями до сего надлежащих знаний»),

–сочинения и издания Н. И. Новикова — «Опыт исторического словаря о российских писателях», 22 издания «Санкт–Петербургских ученых ведомостей» (1777), издание «Городская и деревенская библиотека» (1782–1786),

–трактат–диссертация А. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности»,

–научные и научно–популярные труды: «Архаисты и новаторы» Ю. Н. Тынянова [35], Д. Самойлов «Книга о русской рифме»,

–«История русской поэзии» и «История русской литературы» В. С. Баевского [7–10], трехтомный труд по истории русской литературы Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого «Современная русская литература» [22–24] и некоторые другие.

Общие черты данных безусловно нормативных трудов:

–создаются личностями, заслужившими высокую оценку и имеющими безупречную профессиональную репутацию, конструктивно взаимодействующими с социумом;

–являются объективной попыткой систематизации и структурирования истории и эстетики, художественных свойств определенного вида (рода) искусства, описанием общего в них, базирующегося на универсальных эстетических категориях, реконструкцией понятийного ряда системы художественных средств, их значений или влияния на реципиента;

–используются как нормативные, образцовые в подготовке следующих поколений профессиональных кадров в данной сфере искусства (культуры).

Роль эстетических манифестов играли: «Пощечина общественному вкусу» футуризма, работы Д. Хармса, эссе А. Д. Синаевского «Что такое социалистический реализм?» — социалистический реализм и первая волна постмодернизма, Нобелевская речь И. А. Бродского — вторая волна постмодернизма и пост–постмодернизм (постсоветская литература) (слово как акт, творящий реальность и историю). Сторону языка описывали классические русские риторики, начиная от переводных до учебных конца XX — начала XXI в. в.

Общие черты данных работ:

–пафос протеста против регламентации как в самом тексте, так и в собственной биографии автора,

–принадлежность автора к альтернативной линии художественного процесса,

–нонконформизм автора в отношении общественно–политической системы,

–установка на создание «новой реальности», нередко с травестированным эффектом (А. Д. Синаевский),

–зачастую — размывание основ мировидения, нередко устранение из творчества этического компонента и поведенческий релятивизм.

В силу данных причин пронизанные протестом (как в эстетике, так и в общественно–политическом смысле), и имеющие установку на экспериментальность труды, отражающие эстетические воззрения, не становящиеся предпочтениями большинства, не могут быть основой для формирования культурной политики государства. В большинстве исторических эпох сторонники данных концепций не получали поддержки и прав на тиражирование и популяризацию своих произведений, а их авторы в обществе воспринимались как маргинальные, иногда преследовались, в том числе и законом.

Наследие нормативных эстетик Древней Руси, СССР и научные труды постсоветской эпохи как ресурсы государственной культурной политики

С эпохи Древней Руси при становлении культурной традиции параллельно шли три процесса:

– становление и кодификация вначале национального (древнерусского, русского), затем литературного языка;

– кодификация средств выразительности языка (в том числе посредством создания описательных и учебных риторик);

– становления и кодификация представлений о художественном литературном творчестве (в том числе через создание описательных и учебных «поэтик» и введение в образовательный процесс обучение искусству слова).

Традиции русской культуры всегда выражались через художественное слово, вербальное мастерство. Так, в эпоху XVII–XIX в. в учебных заведениях разного уровня в качестве высших дисциплин рассматривались поэтика, риторика [1, 6, 11, 17–20, 25, 30–33]. Стандарт выразительности и требования к художественным (в том числе текстам устной формы) текстам преподносился в учебниках поэтики, риторики, при этом обучение словесному искусству строилось на понятии нормативности и изучении образцовых произведений и текстов [4, 14, 15, 16, 34, 36]. Риторика и искусство красноречия в целом (вначале, несомненно, красноречие церковное) было основной не только государственной культурной политики, но и в целом политики государства: вспомним, хотя бы, роль красноречия в дипломатических отношениях, творивших историю, а также в юриспруденции, а также в общественно–политических структурах (выступления общественных лидеров в XVII – XIX вв. при дворе в различных комиссиях, в Думе, рекрутирование членов в тайные общества в XIX–XX в. в.) [3, 5, 12, 21, 26, 28].

В первую половину XIX государственная политика базировалась на требованиях к искусству классицистической эстетики, целью ставившей показать «то, что должно» (не то, как есть, а то, как должно быть) и эстетики своеобразного абсентеизма, «искусства ради искусства», отраженного у А. В. Дружинина (искусство как род эстетической деятельности, должно отражать не мир, но высоты человеческой души, улучшая реальность этим) [29].

Вторая половина XIX в., благодаря, в том числе смене общественных и хозяйственным парадигм (существенная трансформация или смена производственной формации в результате отмены крепостного права и роста производства с использованием в том числе разделения труда), вызвала внимание к факту, реальности и понятию пользы (в том числе общественной пользы), рациональности. Данные установки привели к появлению работ Н. Г. Чернышевского, развитию тенденции к сближению художественного творчества и появляющейся публицистики и журналистики (сборник «Петербургские углы» и др.).

Начало XX века при его эстетическом разнообразии дало массу эстетических манифестов, но не нормативные эстетики. На роль таких трудов могут претендовать, очевидно, только работы пропагандистов пролетарского искусства первых десятилетий после Октября (прежде всего Луначарского и Пролеткульта). Именно в это время появляется оценочность по отношению к произведениям искусства, литературы, и на основе государственных предпочтений разграничение всех авторов на «норму» и маргиналов, с наличием тонкой прослойки «попутчиков».

Попытки осознать, проанализировать и изложить новую складывающуюся в искусстве норму активно предпринимались с помощью создания общегосударственных союзов — писателей, художников, кинематографистов и представителей других творческих специальностей. Подобным потенциалом обладал Первый съезд союза писателей и в дальнейшем деятельность данного литературного объединения (со всеми спорными эпизодами, включая преследования и исключения многих заслуженных писателей, например, В. Некрасова; а также с прецедентом «секретарской литературы»).

Среди достижений советского периода в литературе (в том числе в описании и регламентации художественных средств и литературных жанров):

– формирование жанра советского реалистического романа (в том числе молодежного — «Студенты» Ю. Трифонова и др., производственного — «Соть» М. Пришвина, «Оттепель» И. Эренбурга, «Не хлебом единым» и «Белые одежды» Дудинцева, «Утоление жажды» Ю. Трифонова, «Черная металлургия» А. Фадеева, городского — «Дом

на набережной» Ю. Трифонова и др., исторического — «Петр Первый» А. Толстого, «Отблеск костра» Ю. Трифонова, «крестьянского» — «Барсуки» Л. Леонова, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Пряслины» Ф. Абрамова, «Мужики и бабы» Б. Можаяева, «Привычное дело» В. Белова, военного романа и повести — «Живые и мертвые» К. Симонова, «Жизнь и судьба» В. Гроссмана, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Волоколамское шоссе» А. Бека, «Горячий снег» и «Берег» Ю. Бондарева и др.),

– формирование малых жанров прозы — новелла, очерк, рассказ (военные очерки Л. Леонова, А. Твардовского, рассказы В. Распутина, В. Астафьева и др.),

– формирование стандартов советской поэзии, как лирической (от «Орды» и «Браги» Н. Тихонова, «баллад» И. Сельвинского и деревенской лирики А. Твардовского до поэзии середины XX в. в.), так и больших жанров («Братская ГЭС», «Поэма без героя» и «Реквием» А. Ахматовой, «Страна Муравия». «Василий Теркин», «За далью — даль» А. Твардовского и др.),

– формирование стандартов советской драматургии, в том числе — весьма широко трактуемых стандартов репертуарных («Нашествие» Л. Леонова, «Прошлым летом в Чулимске», «Прощание в июне», «Утиная охота», «Старший сын» А. Вампилова и др.),

– формирование основных принципов российского кинематографа — как игрового, так и документального кино (от С. Эйзенштейна, Д. Вертова, А. Довженко, Б. Барнета, Г. Александрова до А. Пелешяна, М. Калатозова, С. Герасимова, Л. Гайдая, М. Хуциева, Т. Лиозновой, К. Муратовой и др.).

Данные произведения для литературного творчества любой последующей эпохи уже воспринимаются как образцовые, высшие проявления мастерства, и также нормативны. Большинство из них входят в соответствующие специализированные учебные курсы при подготовке специалистов данной сферы — литераторов.

Отмена цензуры и разрешительной процедуры для тиражирования, воплощения и постановки на сцене художественного произведения сначала де-факто в конце 1980-х, а затем де-юре в начале 1990-х г. г. дало эффект притока и объединения фактов культуры, созданных в России «в стол» представителями в том числе и маргинальных сообществ, культурных артефактов, созданных в эмиграции, с официальной публикуемой и тиражируемой продукцией искусства.

Возникшая какофония неожиданно привела не к расцвету искусств, а к хаосу, потерянности, релятивизму, утрате мировоззренческой и эстетической основы, подобно тому, как смена научной парадигмы в конце XIX века привела к пессимизму и мифу о «конце цикла», разрушению явления художественного (в данном случае, например, литературного) процесса.

Можно предполагать, что ограничительная политика в сфере искусства, интуитивно принятая Российским государством в начале 2010-х г. г. и формирование Стратегии государственной культурной политики является также и началом формирования обновленной нормативной эстетики XXI в.

Необходимо отметить, что в этом случае создавать ее могут либо наиболее уважаемые в социуме и состоявшиеся как творцы художественного продукта представители творческой элиты, либо — ученые первого ряда, исследующие данные виды искусств.

Так, при отсутствии нормативных эстетик, созданных самими писателями, роль их могут выполнять непредвзятые научные труды, направленные на систематизацию знаний о литературе и особенностях динамики литературного процесса в России XX и XXI в. в., прошедшие проверку, как и учебники поэтики и риторики XVII–XIX в. в. на многочисленных обучающихся литературному ремеслу и русской филологии.

В части литературного процесса при отсутствии подобных нормативных эстетик их роль могут выполнять уже названные выше труды, входящие в учебную литературу по направлению подготовки «русская филология», «русская литература» в современном гуманитарном вузе и аспирантуре по филологическим специальностям: монографии В. С. Баевского [7–10 и др.], история современной литературы Н. Л. Лейдермана,

М. Н. Липовецкого [22–24], а также исследования сути литературного творчества и динамики литературного процесса (в том числе и процесса формирования квалифицированного, подготовленного читателя) М. А. Чудаковой [37, 38].

Список литературы:

1. Parnassus partim ligatae partim solutae orationis cacumine sectus: курс поэтики с началами риторики, (читанный в Новгородской духовной семинарии по благословению архиепископа Амвросия (Юшкевича)), 1742. 192 л.
2. Алексеев А. А. Нормативные эстетические категории // Ф. М. Достоевский. Антология жизни и творчества. Режим доступа: <http://www.fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/106/> (дата обращения 25.12.2015).
3. Аннушкин В. И. История русской риторики: хрестоматия. Учеб. пособие для студентов гуманитар. фак. вузов. М.: Академия, 1998. 412 с.
4. Аннушкин В. И. Эволюция предмета риторики в истории русской филологии: XI — середина XIX вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 53 с.
5. Антология русской риторики: учеб. пособие / отв. ред. и сост. М. И. Панов. М.: Унив. гуманитарный лицей, 1997. 478 с.
6. Антоновский С. И. Избранные вопросы с ответами из российской риторики г. Рижскаго, с дополнением в некоторых местах из риторики г. Ломоносова. Харьков: Университетская типография, 1814. 101 с.
7. Баевский В. С. Тридцать лекций о Золотом веке русской литературы. 1800–1855. Смоленск: Изд-во Смоленского гос. ун-та, 2009. 632 с.
8. Баевский В. С. История русской поэзии, 1730–1980: компендиум. 4-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 338 с.
9. Баевский В. С. История русской литературы XX — начала XXI века / сост. и науч. ред. В. И. Коровин. Ч. 1. 1890–1925 годы. М., 2014. 496 с.
10. Баевский В. С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001. 332 с.
11. Бужинский Г. Ф. *Ianus bicapitalis seu Rhetor Roxolanus*: Двуглавый Янус, или Русский ритор: руководство по риторике, составленное преподавателем Московской Славяно–греко–латинской академии Гавриилом Бужинским в 1712–1713 г. г. / список рукою Ивана Воейкова. 1714–1716. 30 л.
12. Вомперский В. П. Риторика в России XVII–XVIII в. в. / отв. ред. Н. И. Толстой; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1988. 180 с.
13. Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Directmedia, 2015. 578 с.
14. Греч Н. И. Учебная книга русской словесности или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории русской литературы, изданные Николаем Гречем. 2-е изд., испр. Ч. 1–4. СПб, Тип. Имп. Воспитат. дома, 1830. 376 с.; 336 с.; 282 с.; 327 с.
15. Греч Н. И. Учебная книга российской словесности или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе. С присовокуплением кратких правил риторики и пиитики, и истории российской словесности / изданныя Николаем Гречем. СПб: Типография издателя, 1819–1822. Ч. 1. Отд-ние 1: Проза. 1819. 400 с.
16. Греч Н. И. Учебная книга русской словесности или Избранные места из русских писателей в прозе и стихах, с присовокуплением правил риторики и пиитики, и обозрение истории русской литературы, изданные Николаем Гречем. 3-е изд., испр. и пополн. Ч. 1–4. СПб: тип. К. Жернакова, 1844. 360 с.
17. Давыдов И. И. Учебная книга русскаго языка: содержащая етимологию, орфографию, синтаксис, просодию и краткия правила риторики: для благородных воспитанников Университетскаго пансиона. М.: Университетская типография, 1821. 190 с.

8. Давыдов И. И. Учебная книга русского языка: содержащая этимологию, орфографию, синтаксис, просодию и краткия правила риторики: для благородных воспитанников Университетского пансиона. Издание второе. М.: Университетская типография, 1823. 158 с.
19. Зиновьев А. З. Основания пиитики по новой и простой системе Аурбахера Изд. проф. словесности при Демид. лицее А. Зиновьевым. Ч. 2. М.: Университетская типография, 1836. 82 с.
20. Зиновьев А. З. Основания риторики по новой и простой системе Аурбахера Изд. проф. словесности при Демид. лицее А. Зиновьевым. Ч. 1. М.: Унив. тип., 1836. 54 с.
21. История русской дипломатической риторики (X–XVII в. в.) / сост. О. В. Бондаренко, Е. В. Терентьева, Н. А. Тупикова, Е. М. Шептухина; под общ. ред. Н. А. Тупиковой. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2004. 145 с.
22. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература Кн. 2. Семидесятые годы (1968–1986). М.: УРСС, 2001. 285 с.
23. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература Кн. 3. М.: УРСС, 2001. 159 с.
24. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература. В 3-х кн. Литература «Оттепели» (1953–1968). Кн.1. М.: УРСС, 2001. 284 с.
25. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию: книга первая, в которой содержится риторика показующая общия правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии / сочиненная в пользу любящих словесныя науки трудами Михайла Ломоносова Императорской Академии наук и Исторического собрания члена, химии профессора. СПбург: При Имп. Акад. наук, 1748. 315 с.
26. Лютвайтес Е. Функция политической риторики в процессе реформ Советского Союза: 1987–1990.: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Берлин, 1994. 26 с.
27. Острой О. С. Эстетические трактаты Древней Руси как источник библиографической информации. М., 2012. 6 с.
28. Речевая структура русского общества: проблемы риторики, поэтики и стилистики: Межвузовский сборник научных трудов / редкол. и сост.: И. Ю. Чистякова (гл. ред.), Е. Н. Бадалова. Астрахань: Астраханский ун-т, 2015. 143 с.
29. Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: в 2 т. / сост., вступительная ст. и примеч. З. А. Каменского. М.: Искусство, 1974.
30. Сборник слов и поздравительных речей, сочиненных в Смоленской духовной семинарии, середина XVIII в. 168 л.
31. Сборник учебный по поэтике и риторике ученика класса поэзии Киевской академии Ивана Зуцинского, около 1791 г. 116 л.
32. Сильвестр (Страгородский С. И.). Сборник слов, сочиненных в основном Сильвестром (Семеном Ильичем Страгородским), учителем риторики семинарии при Александро–Невской лавре, середина XVIII в. 66 л.
33. Стратий Я. М. Литвинов В. Д., Андрушко В. А. Описание курсов философии и риторики профессоров Киево–Могилянской академии. Киев: Наук. Думка, 1982. 347 с.
34. Тумина Л. Е. Русская риторика XVII–XX веков: учение о повествовании / отв. ред. Т. А. Ладыженская. М.: УРСС, 2002. 131 с.
35. Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1929. 596 с.
36. Феокист (Мочульский И.). Словеснословие и песнопение, то есть грамматика, логика, риторика и поэзия в кратких правилах и примерах. М.: Тип. Пономарева, 1790. 96 с.
37. Чудакова М. О. Избранные работы. Т. 1. Литература советского прошлого. М.: Языки славянской культуры, 2001. 468 с.
38. Чудакова М. О. Рукопись и книга. Рассказ об архивоведении, текстологии, хранилищах рукописей писателей. М.: Просвещение, 1986. 176 с.

References:

1. Parnassus partim ligatae partim solutae orationis cacumine sectus: a course with the principles of poetics rhetoric, 1742. 192 l.
2. Alekseev A. A. Normative aesthetic categories. F.M. Dostoevsky. Anthology of the life and work. Available at: <http://www.fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/106/>, accessed 12.25.2015.
3. Annushkin V. I. History of Russian Rhetoric: a textbook for students of humanitarian faculties. Moscow, Academy, 1998. 412 p.
4. Annushkin V. I. Evolution rhetorical subject in the history of Russian philology: XI — the middle of XIX centuries: abstract... dis. dr. philology. sc. Moscow, 1997. 53 p.
5. Anthology of Russian rhetoric: tutorial / Ed. and comp. M. I. Panov. Moscow, Univ. lyceum, 1997. 478 p.
6. Antonovskii S. I. Selected questions with answers from the Russian rhetoric was Rizhskago, with the addition in some places, the University of rhetoric. Kharkov, University press, 1814. 101 p.
7. Baevsky V. S. Thirty lectures on the Golden Age of Russian literature. 1800–1855. Smolensk: Smolensk State University Press, 2009. 632 p.
8. Baevsky V. S. The history of Russian poetry, 1730–1980: compendium. 4th ed., Rev. and ext. Moscow, Editorial URSS, 2004. 338 p.
9. Baevsky V. S. The history of Russian literature of XX — beginning of XXI century / Comp. and scientific. ed. V. I. Korovin. Part. 1. 1890–1925 years. Moscow, 2014. 496 p.
10. Baevsky V. S. The linguistic, mathematical, semiotic and computer models in the history and theory of literature. Moscow, Slavic Culture Languages, 2001. 332 p.
11. Buzhinskiy G. F. Ianus bicapitalis seu Rhetor Roxolanus: The two-headed Janus, or the Russian rhetorician: Rhetoric Guide, compiled by the teacher of the Moscow Slavic–Greek–Latin Academy Gabriel Buzhinsky in 1712–1713 gg. / List of hand Ivan Voeikov. 1714–1716. 30 l.
12. Vompersky V. P. Rhetoric in Russia XVII–XVIII centuries / Ed. V. P. Vompersky, N. I. Tolstoy; USSR Academy of Sciences, Institute of Russian. lang. Moscow, Nauka, 1988. 180 p.
13. Vygotsky L. S. Art Psychology. Moscow, Directmedia, 2015. 578 p.
14. Grech N. I. Educational Book of Russian literature and Russian Selected passages from essays and translations in verse and prose, with brief rules of rhetoric and poetics and the history of Russian literature, published by Nicholas Grech. 2 ed. Part. 1–4. SPb, Inting house Imperial Orphanage, 1830. 376 p.
15. Grech N. I. Educational Book of Russian literature or Izbrannyya place Towns of essays and translations in verse and prose. With summary of the rules of rhetoric and piitiki, and the history of Russian literature / Izdannyya Nicholas Grech. SPb, Printing publisher, 1819–1822. 40 p.
16. Grech N. I. Educational Book of Russian literature or Selected passages from Russian writers in prose and verse, with the rules of rhetoric and prisovokupleniem poetics and review the history of Russian literature, published by Nicholas Grech. 3 ed. and replenished. Part. 1–4. St. Petersburg: Publishing house K. Zhernakova, 1844. 387 p.
17. Davydov I. I. Russian language textbook: containing etymology, spelling, syntax, prosody and rhetoric Brief rules: For noble pupils University away. Moscow, University Printing House, 1821. 190 p.
18. Davydov I. I. Russian language textbook: containing the etymology, spelling, syntax, prosody and rhetoric Brief rules: For noble pupils Universitetskago away. Second Edition. Moscow, University Printing House, 1823, 158 p.
19. Zinoviev A. Z. Poetics Grounds for a new and simple Aurbaher system. Ed. prof. literature when Demid. Lyceum A. Zinoviev. Part 2. Moscow, University Printing House, 1836. 82 p.
20. Zinoviev A. Z. Rhetoric Grounds for a new and simple Aurbaher system. Ed. prof. literature when Demid. Lyceum A. Zinoviev. Part 1. Moscow, Univ. Type, 1836. 54 p.

21. History of Russian diplomatic rhetoric (X–XVII centuries). Comp. O. V. Bondarenko, E. V. Terentyev, N. A. Tupikova, E. M. Sheptukhin; Ed. N. A. Tupikova. Volgograd, Volgogr. State University Press, 2004. 145 p.
22. Leiderman N. L., Lipovetsky M. N. Modern Russian Literature. Bk. 2. Seventies (1968–1986). Moscow, URSS, 2001. 285 p.
23. Leiderman N. L., Lipovetsky M. N. Modern Russian Literature. Bk. 3. Moscow, URSS, 2001. 159 p.
24. Leiderman N. L., Lipovetsky M. N. Modern Russian literature. In 3 Vol. Literature Thaw (1953–1968). Book 1. Moscow, URSS, 2001. 284 p.
25. Lomonosov M. V. Brief guide to eloquence: First book, which contains the rules of rhetoric Fashion eloquence of both, that is, oratorio and of rea. Composition in favor of loving science works Mikhailo Lomonosov Imperial Academy of Sciences and a member of the congregation Historical, Chemistry professor. SPb, At Imperial. Acad. Sciences, 1748. 315 p.
26. Lyutvaytes E. Function of political rhetoric in the process of reform of the Soviet Union 1987–1990. Abstract. dis. ... cand. ъociology. sc. Berlin, 1994. 26 p.
27. Ostroy O. S. The aesthetic treatises of ancient Russia as a source of bibliographic information. Moscow, 2012. 6 p.
28. Speech structure of Russian society: problems of rhetoric, poetics and stylistics: Interuniversity collection of scientific papers. Ed. J. Yu. Chistyakova, E. N. Badalov. Astrakhan, Astrakhan State University Press, 2015. 143 p.
29. Russian aesthetic treatises of the first third of the XIX century. In 2 vol. Comp., introductory article and notes Z. A. Kamensky. Moscow, Art, 1974.
30. The collection of words and congratulatory speeches, composed in the Smolensk Theological Seminary, the middle of the XVIII century. 168 p.
31. Collection of training on poetics and rhetoric class student of the Kiev Academy of poetry Ivan Zuschinsky, about 1791. 116 p.
32. Sylvester (Stragorodsky S.). Collection of words, composed mainly Sylvester (Semyon Stragorodsky), a teacher of rhetoric at the seminary of the Alexander Nevsky Lavra, the middle of the XVIII century. 66 l.
33. Stratiy Y. M., Litvinov V., Andrushko V. A. Description of courses of philosophy and rhetoric professors of Kyiv–Mohylansky Academy, Kiev, Scientific Thought, 1982. 347 p.
34. Tumina L. E. Russian rhetoric of XVII–XX centuries: the doctrine of the narrative. Ed. T. A. Ladyzhenskaya. Moscow, URSS, 2002. 131 p.
35. Tynyanov Y. N. Archaists and innovators. Leningrad, Surf, 1929. 596 p.
36. Feoktist (Motschulsky). Doxology and chant, grammar, logic, rhetoric, and in the summary of rea rules and examples. Moscow, Printing house Ponomarev, 1790. 96 p.
37. Chudakova M. O. Selected works. T. 1. Literature of the Soviet past. Moscow, Slavic Culture Languages, 2001. 468 p.
38. Chudakova M. O. The manuscript and the book. The story of Archival, textual, repositories of manuscripts of writers. Moscow, Enlightenment, 1986. 176 p.

*Работа поступила
в редакцию 17.08.2016 г.*

*Принята к публикации
21.08.2016 г.*